

МИХАИЛ СТРАШНОВ

ОСИРОТЕВШИЕ

Тысячи любознательных путешественников мечтали побывать в удивительном заповедном краю под названием Камчатка. В советское время эта территория имела особый статус: погранзона. Только специальный документ давал право попасть в это царство вулканов – естественный природный заповедник.

Летом 1969 года посчастливилось и мне побывать в тех далёких краях. В то время после окончания третьего курса МГРИ все студенты должны были проходить производственную практику в настоящей геологической экспедиции. Я учился на геологоразведочном факультете в группе ПС – геологическая съёмка и поиск полезных ископаемых. Это самая что ни на есть романтическая геологическая специальность. Так мы считали тогда. И эта наша производственная практика показала нам, как трудно быть первопроходцами.

Экспедиция ВАГТа (Всесоюзный аэрогеологический трест) была создана в 1955 году и занималась составлением геологических карт с целью выявления перспективных территорий на поиски полезных ископаемых. Для подготовки специалистов этого профиля при МГРИ была создана специальная элитная группа ПС. Как правило, все выпускники этой группы вливались в дружный коллектив экспедиции ВАГТ. К 1968 году почти вся территория СССР была покрыта государственной геологической съёмкой масштаба 1:200 000. Только в самых труднодоступных уголках нашей страны ещё оставались “белые пятна”. Одним из таких уголков была тогда Северная Камчатка. Вот там-то, на севере Корякского автономного округа, летом 1969 года проводила свои полевые работы поисково-съёмочная партия № 11, в составе которой я проходил производственную практику. Моим наставником и учителем полевой геологии был начальник отряда Лёва Заботкин. Это был неунывающий человек, который в свои 40 лет уже успел поработать на Чукотке, Кавказе, Полярном Урале, Памире, в Казахстане. Мы с Лёвой быстро сработались. Он по-отцовски опекал меня, воспитывая мой характер, сдерживая излишний темперамент.

Наша геологическая партия имела три отряда, работавших на смежных территориях. Отряд начальника партии Цукерника Александра Борисовича занимался геологическим картированием в верховьях полноводной реки Ачайва-ям. Отряд Серёжи Бочкова работал в верховьях реки Уступ (правого притока р. Ачайва-ям). Отряд Лёвы Заботкина вёл геологическую съёмку в верховьях

СТРАШНОВ Михаил Михайлович — геологоразведчик с двадцатилетним стажем. Автор рассказов об удивительном мире Дальнего Востока, где люди часто оказываются один на один с природой, соперничают маленьким и большим проблемам заповедного края.

реки со сложным названием Умайолгиваям (левого притока Ачайваям). Связь между отрядами и с Большой землёй осуществлялась по рации. Изредка начальник партии делал проверочные визиты в свои отряды, используя единственный вездеход. Геологосъёмочные отряды на одном месте долго не задерживались. Чтобы не делать больших подходов к маршрутным линиям, лагерь геологов “кочевал” от одного места к другому. Отработают один планшетный лист и перемещают лагерь в центр другого листа. Это на карте. А на местности через каждые 10–15 дней лагери геологов переносятся на 25–30 километров. И с каждым новым перемещением расстояние между отрядами уменьшается. В конце полевого сезона три отряда уже живут одним лагерем и “сбивают” (уточняют) геологические границы своих планшетов, готовят пробы к отправке в Москву, приводят в порядок все полевые материалы. Но такое бывает в идеале. Почти всегда непогода вносит серьёзные изменения в утверждённый начальником экспедиции график.

Затянувшиеся дожди, бурно разлившиеся ручьи, туманные завесы выбивают из графика работ. В длинные полярные дни приходится навёрстывать упущенное время. Маршруты удлиняются, времени на сон почти не остаётся. Да и к концу сезона добросовестным геологам приходится идти на помощь “отстающим”. Ведь все делают общее дело.

В начале августа лагери трёх отрядов разделял огромный горный массив, являющийся водоразделом трёх рек: Ачайваям, Уступ и Умайолгиваям. Всего в 60 километрах друг от друга находились лагеря геологических отрядов. И в 130 километрах от ближайшего корякского посёлка Ачайваям. Погода пока радовала геологов, и работа шла полным ходом. Наш отряд перебазировался на новое место и после оборудования лагеря мы с Лёвой пошли в рекогносцировочный маршрут.

Мы поднимались на водораздельный хребет по звериным тропинкам, протоптанным среди непроходимых густых зарослей карликовой берёзки и кедрового стланика. Эти узкие извилистые тропы уже многие тысячи лет являются основными путями передвижения всего живущего здесь зверья. Кто только не ходил по этим тропинкам – олени, лоси, лисы, россомахи, волки и, конечно, медведи. При виде огромных медвежьих следов на узкой тропе среди густого полуметрового стланика, сжимающего тебя непролазным забором, сердце начинает тревожно биться. Невольно хочется повернуть назад, чтобы не встретиться с грозным хозяином этих мест. Но, как говорится: работа есть работа. И чтобы её сделать, надо заткнуть все свои страхи и шагать вперёд. По технике безопасности при встрече на тропе с медведем надо обнаружить себя: шуметь, кричать, но не истерично, не смотреть зверю в глаза, не поворачиваться к нему спиной, ни в коем случае не пытаться убежать от него – это бесполезно. Если медведь не уходит с тропы, то ты сам тихонько должен пятиться назад, до первого поворота тропы и дальше спокойно, без паники покинуть это место.

Хорошо написано на бумаге, но в жизни бывает по-разному. По узким звериным тропам геологи ходят с погремушками. Берут банку из-под тушёнки, с не полностью отрезанной крышкой. Кладут в пустую банку камешки, и прикрывают их сверху недорезанной крышкой. Не доходя до каждого поворота тропы, где прямая видимость заканчивается, надо трясти банкой, как погремушкой. У медведя очень хорошее обоняние, но слабоватое зрение. Услышав звуки погремушки, медведь встаёт на задние лапы и смотрит по сторонам: “Что за идиот там гремит на моём пути?”. Огромная фигура бурого медведя возвышается над стлаником из-за поворота. Медведь начинает затяжно глотать ноздрями воздух, стоя на задних лапах и поворачиваясь в разные стороны. Ты от страха кричишь благим матом и что есть мочи гремишь погремушкой. Медведю это начинает надоедать. Он или уходит с тропы, грубо ломая стланик, оставляя за собой целую просеку. Либо убегает дальше по тропе. Либо тихонько идёт к тебе посмотреть, что это за чудовище тут орёт и выкрутасничает со своей погремушкой. Тогда уже надо самому спокойно уходить, держа ружьё наготове.

Северную Камчатку недаром называют “медвежьим углом”. В 1960–1970 годах на территории полуострова проживало более 87000 особей. Почти 60000 из них обитало в малонаселённой северной части Камчатки. Это значит, что на один километр площади приходилось по одному медведю. На Северной Камчатке медведи жили, как в московской коммуналке. И всё

потому, что в совершенно безлюдном районе было полно еды. Вкуснейшая и калорийная пища — красная рыба громадными косяками ежегодно поднималась на нерест вверх по всем рекам Камчатки. Отметав икру, красная рыба умирала, выполнив своё главное в жизни предназначение: продолжение рода. Сотни килограммов этой мёртвой разлагающейся рыбы, валявшейся по берегам речных долин, являлись кормом для всех больших и малых зверушек и птиц.

Во время всего периода нерестилища медведи жировали, без труда вылавливая беззащитную красную рыбу из мелких горных рек. Этот медвежий пир длился с начала августа до первого сентябрьского снега. Всё это время массового нерестового периода.

Мы тоже с нетерпением ждали “красной путины”. Хариус, который ловился везде и в большом количестве, стал нам надоедать. Нам хотелось поймать кету или уж горбушу весом под 5 кг. Поесть и заготовить вкусную красную икру. Поэтому мы мечтали о выходном дне, который всё откладывался и откладывался по случаю хорошей погоды.

Так было и в сегодняшнем маршруте. Поднявшись по медвежьей тропе выше стланиковых полей, мы с Лёвой вышли на пологий склон, покрытый мшистым кочкарником. Ноги, одетые в болотные сапоги, по щиколотку проваливались в пахучий мшистый ковёр.

Лёва показывает на седловину хребта, на которую нам надо взобраться. До неё километра два с половиной напрямую через марь. В обход — не меньше шести километров.

— Как пойдём? Попробуем по мари проскочить или обойдём? — спрашивает меня Лёва.

Это у нас такой учебный процесс. Я должен выбрать правильный путь. Я всматриваюсь вперёд. Кочкарник становится выше, и между кочками блестит болотная жижа. Там начинается настоящая марь. Марь — это топкие болота, лежащие на промёрзших торфяниках. Летом вечная мерзлота оттаивает на метр-полтора. Плотный мшистый ковёр плавает на оттаявшей воде, как плавающий остров. Идётся по такому мху, как по батуту. Ноги проваливаются по колено. Опоры надёжной нет. Устаёшь очень быстро. И сесть не на что и стоять на одном месте нельзя.

— Умный в гору не пойдёт, — отвечаю я Лёве. — Нормальные герои всегда идут в обход.

— Ну что ж, ты сегодня у нас за старшего, — говорит Лёва. — По твоей милости теперь лишний крюк в четыре километра надо шагать. Но лучше так, чем утонуть в этой вонючей мари.

Обходим топкое болото и выходим на седловину хребта. Отсюда открывается прекрасный вид на высокие конусы древних субвулканов. Своими макушками они проткнули облака, и их вершины блистают на солнце яркой снежной белизной. Под курчавой шапкой облаков синей гребёнкой топорщатся острые базальтовые скалы. А у подножья этих скал расстилается необозримый ковёр из ярко-зелёных мхов, бело-жёлтого ягеля, красно-жёлтых лишайников. И среди этого разноцветного ковра выделяются ярко-синие блюдца ледниковых озёр.

Мы устроились на обросшем красным лишайником останце базальта. Достали аэрофотоснимки, топографические карты и отточенным карандашом стали наносить на них линии будущих маршрутов.

Солнце большим жарким диском клонилось к юго-западу. Снежные вершины вулканов покрылись позолотой. Надо было возвращаться в лагерь.

Незаметно, за разговорами подошли к надпойменной террасе реки Умай-олгиваям. Трудный язык у коряков, совершенно не понятен для русского уха. Почти все названия рек заканчиваются слогом “ваям”, что значит “река”. Другие же словосочетания даже не выговоришь. Коряки, как чукчи и юкагиры, относятся к одной группе палеоазиатских народов, живших на Крайнем Севере ещё со времён неолита. Само название “коряк” произошло от чукотского слова “хора”, что значит олень. Коряки испокон веков разводили и пасли оленей. Из-за мест под пастбища сильно враждовали чукчи и коряки. Да сейчас эти народы не дружны. Если коряк узнает, что в геологической партии есть проводник чукча, то ни за что не пойдёт работать в эту партию. Вражда этих народов, можно сказать, на генетическом уровне. Впрочем, как и у всех древних соседствующих народов.

С высокой надпойменной террасы был хорошо виден наш палаточный лагерь, расположившийся на берегу реки Умайолгиваям. Возле большой кухонной палатки уже дымился костерок. Рабочий Виктор сегодня дежурил по кухне. Наверное, опять варит уже всем надоевшую овсяную кашу. Экспедиционный народ давно мечтает поесть мясо, а на охоту сходить времени нет. Маршрутный план надо выполнять. Лёва всё дождями пугает. А начнутся дожди, тогда ни работы, ни охоты не будет. Зверь затаится, птица спрячется, рыба на дно ляжет. Все непогоду пережидать будут.

“Завтра с утра на охоту бы сходить, – размечтался я. – Да разве Лёва разрешит?”

Спустились в пойму реки. Лагерь уже близко. Дымком потянуло. Выходим на песчано-галечную косу. И тут видим совсем свежие медвежьи следы. Огромные косолапые. Ещё трава под ними не успела встать. Мы замерли. Лёва снимает с плеча карабин и молча показывает мне на маленький след медвежонка, шедшего возле своей матери. Я присмотрелся. По левую и правую сторону от огромных медвежьих следов тянулась цепочка маленьких следиков медвежат. Следы медвежат пересекали материнский след, петляли поодаль, топтались на месте, снова теснились к материнским следам. Семейка шла прямо к нам в лагерь. Мы с Лёвой не на шутку перепугались. Ребята ни о чём не подозревают. Увидят медведицу, не дай Бог начнут палить из ружья или, того страшнее, пустятся наутёк. Медведица шутить не будет. За поворотом реки лагеря не видно. Что сейчас там происходит? Выстрелов и криков не слышно. И это внушало надежду, что всё там пока нормально.

Мы шли по медвежьему следу в сторону нашего лагеря. Дошли до речного поворота. Здесь следы разделились. Медвежата остались возле камня, а мать пошла на речную косу. Цепочка мелких следов продолжилась до скального прижима. Здесь снова появляются крупные следы медвежьих лап. Следы почти не видны на крупной речной гальке. Выходим из-за поворота реки. Прижим переходит в широкий пляж. Отсюда виден наш лагерь.

В лагере всё спокойно. Дымится костёр, стоят палатки. Слабый ветерок доносит запах дыма и копчёного хариуса.

Медвежьи следы идут вглубь пляжа и скрываются на пологом каменистом склоне. Значит, медведица увидела наш лагерь и отвела своих медвежат подальше от него. Хорошо, если так.

Об увиденных нами медвежьих следах мы рассказали всем членам нашего отряда. Конечно, в медвеьем краю каждый из нас в каждом маршруте встречал по несколько медведей за день. Ничего удивительного здесь нет. Плохо, что рядом с нашим лагерем обитает медведица с медвежатами. Как известно, из всех крупных зверей на свете медведица самая заботливая и бесстрашная мать. Своих детей она не бросит ни при каких условиях. Наоборот, рядом с медвежатами она повышенно агрессивна. Она может наброситься на любого, кто приблизится к её ребёнку. А если любопытный медвежонок подойдёт близко к человеку, то медведица не будет разбираться, кто к кому подошёл. Она непременно бросится на человека. Нашим ребятам надо будет промывать пробы из шурфов и мыть шлихи на ручьях Чепчик и Карат. Как раз туда пошла медведица. У неё наверняка там лёжка. Работяги наши приуныли, узнав о таком неприятном соседстве. Теперь скорость шлихового опробования может резко снизиться. Тут больше надо по сторонам смотреть, а не работать.

Вечером у костра Лёва успокаивал ребят опробщиков. Мол, нам ещё повезло, что здесь медведица с медвежатами поселилась. Вот отряду Цукерника каково будет, когда красная рыба пойдёт? Река Ачайваям, где они стоят лагерем, основная нерестовая река. Там столько рыбы будет, что вода не вместит. Туда со всей Северной Камчатки медведи соберутся. Там, пожалуй, пострашнее будет? Наша медведица специально ушла сюда подальше от крупных самцов, которые могут напасть на её медвежат.

Тут рабочие стали спрашивать у Лёвы:

– А что, по нашей реке красная рыба на нерест не пойдёт? А если в такое тихое место, как у нас, все медведицы своих медвежат приведут? Как нам здесь жить и работать?

Лёва, как бывалый в этих местах геолог, стал объяснять, что и по нашей реке рыба пойдёт на нерест, но не в таком большом количестве. Что во время нереста красной рыбы медведица будет находиться рядом с руслом реки

и не пойдёт к ручьям. Там ей нечего делать. Она будет учить своих детей ловить рыбу и сама запасать жирок на рыбной ловле. Так что бояться медведицы не стоит, но бдительность надо усилить.

Несколько дней в лагере только и разговоров было, что о медведице и о “красной путине”. Но медведица куда-то исчезла, а вот красная рыба начала подниматься по руслу реки Умайолгиваям. В прозрачном мелководье геологи видели больших рыб, плывших против течения. Пытались ловить её на спиннинг, но рыба не хотела брать наживку. Она набрасывалась на приманку, даже толкала носом воблер, но не заглатывала его. Рабочие начали расстраиваться, мол, очень мало красной рыбы идёт на нерест, да и та не ловится на спиннинг.

Лёва Заботкин успокаивал горе-рыболовов, мол, основная красная рыба ещё не подошла. Вот-вот она пойдёт плотным ходом, и её только успевай зачерпывать сачком. На спиннинг хорошо идёт только кижуч и то не от того, что он голоден, а от того, что пытается отогнать непрошеного хариуса и по ошибке хватает спиннинговый воблер. Хариусы постоянно преследуют красную рыбу, т. к. поедают их икру.

И Лёва оказался прав. Скоро мы не узнали нашу тихую речку Умайолгиваям. В одночасье она забурлила и заклокотала от серебристых тел крупных лососёвых, идущих на нерест. Рыба буквально шла потоком, почти соприкасаясь друг с другом. Бледно-серые с зеленоватым отливом рыбы спины хорошо просматривались в прозрачной воде. По чёрным пятнам на спине и хвосте можно было понять, что на нерест шла горбуша. Она с завидным упорством преодолевала все преграды на своём пути. На бурлящих мелководных перекатах рыба буквально ползла на брюхе по острым камням, наполовину высунувшись из воды. Диву даёшься, как ей удавалось преодолевать столь стремительное течение. Пройдя вверх по течению реки почти 200 (!) километров, рыба, конечно, потеряла свой “товарный” вид. Бока её были покрыты незаживающими ранами, у самцов нос стал обезображиваться, превращаясь в крючковатый отросток. На спине появлялась горбинка. Отсюда и название: горбуша.

Удивительно, как могло придти сюда, за двести вёрст от океана, минуя десятки браконьерских кордонов, столько рыбы? Промысловый лов лососёвых начинается ещё в океане до подхода косяков к устью рек. В устьях рек косяки лососёвых уже поджидают государственные промысловики. Рыбу ловили беспощадно, перегораживая сетями почти все протоки. Это был самый серьёзный заградительный кордон для рыбных стай после отлова её сейнерами. Тем рыбьим косякам, которые прошли заградительный кордон, предстояло ещё одно серьёзнейшее препятствие: браконьеры. Жители приморских посёлков промышляли ловлей лососёвых, начиная с весны и до самой поздней осени. На десятках километрах от устья нерестовых рек расставляли они сети. Нелегально добывали красную икру. Сама рыба им была не нужна. Они её выбрасывали тоннами. Конечно, с браконьерами велась “номинальная” борьба. Но, даже в те времена, браконьеры в основном обслуживали местное начальство, верхушку правоохранительных органов и руководство армейских гарнизонов. Уже тогда создавались первые нелегальные бандитские госкорпорации. Это при развивающемся социализме 1960-х. В период “хрущёвской оттепели” продолжалось разграбление природных ресурсов. Конечно, с теперешними темпами воровства те времена никак не сравнить. По официальной статистике, в настоящее время только на одной Камчатке в год около 50 000 тонн лососёвых вылавливается браконьерами. Это составляет 70% всего отлова лососёвых на Камчатском полуострове.

Тогда (в 1969 году) по сравнению с нынешними временами, можно считать, браконьерства не было. Тем более в безлюдной Северной Камчатке.

О том, что рыба пошла на нерест, нам радостно сообщил радист Костя Каретников из отряда Цукерника. Весь сеанс радиосвязи он только и рассказывал, что у них чавыча две сети порвала, что их лагерь осаждают медведи, пытающиеся забрать вяленую рыбу, развешанную на верёвках, что по случаю “красной путины” Цукерник объявил пятидневный выходной.

Ну, о том, что пошла рыба, нам и самим было известно, а вот новость насчёт выходных, объявленных начальником партии, была встречена на ура. Лёва, узнав об этом, предложил нам в полтора раза увеличить продолжительность рабочего дня и этим покрыть шестидневный выходной. До разгара

путины ещё три-четыре дня в запасе. Мол, давайте ударно поработаем, чтобы после достойно отдохнуть. Длинные приполярные дни и белые ночи, почти без сумерек, позволяли продлить маршрутный день до 21 часа. Поэтому мы приняли предложение Лёвы и с удвоенной силой взялись за работу.

Я уже ходил в самостоятельные маршруты в паре с рабочим Виктором. В одном из маршрутов с высокого речного откоса мы увидели медведицу с двумя медвежатами. Мать учила своих детей ловить рыбу, стоя в воде на перекате. Медвежата не хотели лезть в быстрые потоки холодной воды. Медведица демонстративно влезла в воду и звала к себе медвежат. Они же, подойдя к воде, трогали её лапой, но входить боялись. Мать рывкнула на них. Один из медвежат, более светлой окраски, нехотя полез в воду. Часто фыркающая и стараясь держать равновесие в бурном потоке, он подошёл к матери и вцепился ей в зад своими передними лапками. При этом он смешно встал на задние лапы и почти повис на заду у матери. Другой медвежонок, почти чёрного цвета, ревел благим матом, боясь лезть в воду. Медведица резко развернулась в его сторону. Так, что её дитя свалился в воду и, непрерывно отряхиваясь, опять вцепился в мамин зад. Мать требовала, чтобы второй медвежонок полез в воду. Она рывкнула так строго, что чёрненький медвежонок испугался и бегом помчался по воде к матери. А мать пошла на стремнину. За ней брели непослушные медвежата. Медведица остановилась почти на середине реки. Для неё там было достаточно мелко, но стоящим на задних лапах медвежатам вода доходила до пояса. Держась за маму, они с интересом смотрели на огромных рыб, быстро проплывающих возле них.

Медведица остановилась, приподнялась немного на задних лапах, а затем моментально наклонилась, как бы хлопнув в ладоши под водой. Затем опять поднялась на задних лапах, держа передние лапы перед собой. В её цепких лапах трепетала большая горбуша. Рыба извивалась, пытаясь выскользнуть в воду. Медведица прикусила бьющуюся рыбу и, сделав полуоборот к своим детям, показала им пойманную рыбу. Особой реакции на этот мамин жест со стороны медвежат не последовало. Они, крепко вцепившись в маму, боялись упасть в воду. Тогда медведица, держа пойманную рыбу во рту, медленно направилась к берегу. Медвежата, как пристёгнутые, пошли на задних лапах за своей мамой.

Выйдя на берег, медведица положила рыбу на галечник. Медвежата с опаской приблизились к рыбе. И тут рыба изогнулась и подпрыгнула. Медвежата с громким визгом отпрянули в разные стороны. Медведица что-то проворчала. Медвежата опять приблизились к рыбе, но трогать её не решались. Но затем бурый медвежонок, зарывав, как большой, схватил рыбину зубами, но не смог её распотрошить. Тут подскочил чёрненький, схватился зубами за рыбий хвост и стал тянуть рыбу к себе. Так бы они долго игрались, но медведица рывкнула и отобрала их игрушку. Прижав рыбу лапой к галечнику, медведица надкусила рыбу возле головы и ловким рывком сдёрнула с неё шкуру вместе с чешуёй. На розовое рыбье мясо сразу накинулись голодные медвежата. А их мать тем временем пошла в воду за следующей рыбой.

На эти сцены семейной жизни крупных обитателей тундры можно смотреть часами, но мы находимся на работе, и надо было продолжать свой маршрут.

Мы стали часто встречать медведицу с её потомством возле реки. Она тоже видела нас издали. К нам она не приближалась, да и мы старались её обходить. Наши рабочие, промывая галечник в ручье Карат, тоже несколько раз видели медведицу. Наблюдали, как она учила своих детей залезать на чахлые листовницы, как играла с ними в догонялки, как учила их отыскивать вкусные корешки.

Время летело незаметно, и настали, наконец, наши выходные дни. То-то мы “оторвёмся” на “красной путине”. Рыбы и впрямь прибавилось. Теперь косяки лосося сопровождали стайки хариусов. С хариусами вступали в схватку горбатые самцы горбуши. Крючковатыми носами они пытались ткнуть хариусов в бока. Но юркие хариусы, будучи в три раза меньше горбуши, мелькали серебром своей чешуи под самым их носом. Мы боялись, что вот-вот закончится миграция лосося и нам не удастся насладиться рыбной ловлей. Но рыба шла днём и ночью, и её количество не уменьшалось. Как нам объяснил Лёва, горбуша шла на нерест в озеро, находившееся в 20 километрах выше по течению реки Умайолгиваям у подножия хребта Укэлаят. В этом озере горбуша устраивает красивые свадебные игры. Самцы ухаживают за самками,

прижимаясь к ним своим пораненным телом. Самки выбирают местечко для кладки икры. Хвостами в каменистом дне озера делают лунку глубиной 40 см. Очень важна для них глубина воды в этом месте. Ведь икринки горбуши будут здесь зимовать, и важно выбрать место для гнезда, чтобы оно не промёрзло до дна. В то время как самка занимается устройством гнезда, самцы конкурируют между собой за право быть отцом. Удивительно, что за очень краткий период времени перед нерестом (4–5 дней) у самцов горбуши отрастают в челюстях большие острые зубы. Самцы начинают драться между собой, кусая друг друга, вырывая у противника большие куски плоти. Эти рваные раны тут же покрываются грибок и приобретают вид белёсых лохмотьев. Отгнав своих конкурентов, израненный самец приближается к самке и вместе с ней опускается на дно гнезда. Пара рыб одновременно начинает производить вибрационные движения. Самка выпускает из себя икру (от 1000 до 7000 икринок), а самец в этот миг оплодотворяет икру своей молокой. Процесс икрометания может продлиться от нескольких минут до часа. Вот для чего живёт свои два года рыба горбуша!

Отметав икру, самец и самка ещё целую неделю находятся рядом с гнездом, отгоняя от него хариусов и других хищников, готовых сожрать оплодотворенные икринки. Но с каждым днём защитники своего потомства теряют силы, разлагаясь заживо. На протяжении целого месяца, как они только попали в устье своей родной реки, приплыв к нему из океанских просторов, лососёвые рыбы ничем не питаются. Их жизненный цикл заканчиваются. Через неделю после икромета горбуша умирает. После смерти родителей икру некому охранять. Все кому не лень набрасываются на неё, если достанут. А сколько желающих ею полакомиться. Начиная от медведей и кончая речными птицами. Но и сама мёртвая горбуша тоже служит кормом для этих мародёров. Так что даже после своей смерти горбуша защищает своё потомство своей плотью.

Те икринки, которые спаслись, зимуют в своём гнезде до вскрытия рек, питаюсь сначала содержимым своих желточных мешков (внутри икринок), а затем планктоном. Весной мальки лососёвых по рекам спускаются в моря и там живут, как все хищные рыбы. Горбуша, нагуляв свой вес и превратившись в половозрелую особь, через год идёт на нерест именно в тот водоём, где она родилась. Её жизненный цикл длится всего два года. У других лососёвых больше: до 7 лет. Вот такую интересную историю о жизни лососёвых поведал нам у костра Лёва Заботкин. Мы все сидели и слушали, как говорится, открыв рты. Ведь с информацией на любые темы в те времена была «напряжёнка». Не было компьютеров и интернета. Библиотеки не пользовались спросом, да и отыскать нужную литературу было не так-то просто.

В первый свой выходной день мы поднялись спозаранку. Ещё туманная дымка марлевым покрывалом колыхалась над долиной, а густая роса серебрилась на прибрежных кустах, мы подходили к скальному прижиму, за которым река расплёскивалась перекатами. Там на мелководье предполагалось вытаскивать рыбу рыболовными сачками, которые специально вместе с сетью были привезены из Москвы. Сеть же мы хотели растянуть в русловом прижиме возле скальной гряды.

Сначала пошли на перекаты. Натянули доверху ботфорты болотных сапог, взяли сачки и брезентовые мешки под рыбу. Рёв перекатов заглушал наши голоса, туман наполовину скрывал наши фигуры. Мы разошлись по руслу и стали всматриваться в прозрачные потоки бурлящей воды. Большие рыбины, шарахаясь от нашей тени, упорно плыли против течения реки. Течение здесь было сильное, но рыба, извиваясь всем телом, продвигалась вперёд достаточно быстро.

Улучив момент, я попытался подвести сачок под нос большой рыбине с зеленовато-серой спиной. Но она, увидев перед собой препятствие, резко вильнула вправо и скрылась с моих глаз. Я попробовал подхватить рыбу сзади. Но как только сачок касался рыбьего хвоста, то лосось резко менял направление движения и быстро исчезал. Но после нескольких неудачных попыток мне всё-таки удалось выхватить из воды большую рыбину размером сантиметров 50. Она билась в сачке, норовя выскочить из него. Теперь мне предстояло вытащить проворную рыбу и переложить её в мешок, подвешенный к моему поясу. Подхватив рыбу за жабры, я рассмотрел её. Серая спина с зеленоватым оттенком, покрытая небольшими чёрными пятнами. Такие же

пятна были на хвосте и плавниках. Брюшко ровного желтовато-белого цвета без крапинок. Нос был крючковатый с горбинкой. Я стал сомневаться: самец это или самка. Мы заранее договорились ловить только одних самок, чтобы из них добыть икру. Раздумывать, самку я поймал или самца, у меня не было времени. Я засунул свой улов в мешок и продолжил ловлю. Но рыба не желала спокойно лежать в мешке. Она упорно дёргалась в нём, хлеща меня по заднице. Но в азарте рыбной ловли я не обращал на это внимания. Мне удалось выхватить ещё одну рыбку. Она была точно такая же, как первая, но с тупым носом. У второй рыбки было толстое брюшко с жёлтым окрасом. Вес пойманной мной самки не превышал 2,5 кг. Я уже наловчился выхватывать из бурлящего потока шустрюю горбушу. Скоро мешок стал настолько тяжёлым, что был для меня обузой. Я пошёл на берег опорожнить мешок.

Отвлечись от рыбалки, я хоть мог посмотреть по сторонам. Первые лучи солнца, пробившись сквозь бреши облаков, играли радушкой брызг, расплывённой над перекатами. А по мелководью реки бегали здоровые бородастые мужики с сачками, пытаясь что-то выковырнуть из-под камней. Зрелище весьма забавное.

На берегу Лёва уже потрошил рыбу, выкладывая ястыки с икрой в большой таз на марлю. Ястык — это такой мешочек из тончайшей прозрачной плёнки, в котором находятся икринки лососёвой рыбы. Перед засолкой икринки необходимо освободить от плёнки — вылущить. Но пока Лёва аккуратно выкладывал ястыки с икрой в таз и закрывал их сверху марлей, чтобы не лезли мухи. Выпотрошенную рыбу Лёва сортировал: на засолку, еду и на выброс. На выброс шла сильно израненная рыба.

Я высыпал содержимое своего мешка в небольшую кучку возле Лёвы и хотел было идти продолжить рыбалку. Но Лёва меня остановил. Он сказал, что надо бросить эти детские игры с сачками и идти всем вместе ставить сеть. Сетью мы за час наловим столько, что нам работы с рыбой хватит на целый день.

Когда все собрались возле Лёвы, он объяснил нам, как ставить сеть и как её вытаскивать. Мы забрали сеть, бредень, всю тару под рыбу и пошли к речному пририму — узкому и глубокому участку русла. Далеко идти не пришлось. Метрах в семидесяти от перекатов возле чёрных базальтовых скал река сужалась и делала резкий поворот. В этом узком месте водный поток с рёвом обрушивался на торчащие в русле базальтовые глыбы и пенными бурнами отворачивал от скал. В месте поворота реки на дне у скальных выступов образовалась большая отбойная яма. Течение на дне этой ямы замедлялось, и здесь скапливались стайки лосося. Они могли здесь отдохнуть, не сопротивляясь сильно течению реки.

Вот в эту русловую яму мы и хотели черпануть бреднем. Для начала разделались догола. На клячи (деревянные шесты, к которым привязываются края бредня) встали по двое. К мотне привязали большой камень, чтобы её не вывернуло на течении. Влезли в воду выше отбойной ямы. Вода обожгла неистовым холодом. Растянули бредень. Мы с Лёвой вплотную подошли к скалам. Двое рабочих отошли на середину реки. Опустили нижний край подбора. Течение реки растянуло сеть. Преодолевая напор воды и обжигающий холод, мы потянули бредень вниз по течению. Мы с Лёвой бултыхнулись в отбойную яму. Вода едва не накрыла меня целиком. Всем телом я чувствовал, что в яме происходит что-то невероятное. Сильные удары по ногам и в бока. Сквозь прозрачную воду я видел рыбы тела, метавшиеся возле наших голых тел. Мы уже выходили из ямы, подворачивая к береговым камням. И тут нас словно швырнуло назад. Мы едва устояли с Лёвой. Это рыбий косяк рванул мотню.

— Ташим на берег! — заорал Лёва. — Иначе не удержим.

Видя, что нам не удержать кляч, в воду к нам на помощь бросился прямо в одежде рабочий Виктор. Втроём мы едва волокли свою сторону бредня на берег. Ребята на другом конце бредня уже выходили на берег. С огромным усилием шестеро здоровых мужиков вытянули бредень на берег.

Рыба билась в мотне. Но нам сейчас было не до неё. Мы дрожали от холода, натягивая на себя одежду. Минут пять приходили в себя. Затем, с видом победителя, стали вытаскивать рыбу. Такое количество рыбы мы видели только в кино. Но самок с икрой оказалось всего штук двадцать.

Когда достали икру, сложили её в ведро и взвесили, то убедились, что наша добыча оказалась весьма скромной. На шестерых мы добыли семь с половиной килограмма икры. Это чуть больше трёхлитровой банки.

Отобрав полтора десятка “горбылей” посимпатичней и прихватив ведро с икрой, мы направились к лагерю. Благо до него было рукой подать. Но, как только мы вышли с речного пляжа и стали подниматься в пойму реки, так нас начали одолевать несметные комариные тучи. Пришлось надеть накомарники. В хорошо продуваемое русло с холодной речной водой мошкара редко наведывается. Не зря измученные комариным нашествием животные часами стоят в русловом потоке, отдыхая от надоевших вампиров. И мы тоже на рыбалке немного отвлеклись от этой кровососущей нечисти. Но в лагере она опять напомнила о себе.

Разобравшись с первым уловом и пообедав лососёвой ухой, мы пошли, как говорится, на второй заход. Но на этот раз прихватили с собой комбинезоны химзащиты. Зная о необходимости хорошей экипировки при ловле лососёвых рыб, начальник партии Александр Борисович ещё в Москве заказал у завхоза экспедиции шесть костюмов химзащиты. Конечно, экспедиционное начальство прекрасно понимало, для какой цели приобретаются комбинезоны, но смотрело на эти вещи сквозь пальцы. Полученные со склада костюмы распределили по два на каждый отряд. Поэтому в нашем отряде таких комбинезонов было всего два. Остальные смельчаки собрались лезть в воду в одежде. Гольшом в ледяной воде бродить охотников больше не было. Кроме бредня у нас ещё была сеть длиной 5 метров. Мы хотели её установить в русловом омуте. Что получится из этой затеи, мы ещё не знали. День ещё только-только перевалил в свою вторую половину. Мы были полны сил и надежды на успех. Но, подходя к месту рыбалки, выйдя из-за поворота реки, мы увидели огромную медведицу с двумя медвежатами. Ту самую, нашу соседку. Медведица лакомясь рыбой, выловленной нами и оставленной на берегу. Медвежьему пиршеству мешали огромные птицы бакланы. Эти бакланы справлялись с тушками рыб очень ловко. Рвали на части своими крючковатыми клювами и с невероятной скоростью уплетали. Медведица рычала на птиц, отгоняла их. Но наглые птицы вырывали рыбу буквально изо рта медвежат. Медвежата, боясь птиц, жались к матери. Бакланы издавали противные гортанные звуки, эхом разносившиеся на всю округу. Откуда-то из-за горы, услышав этот клёкот, к месту пиршества слетались всё новые и новые птицы. Мы поняли, что в этом месте нам уже делать нечего. Бакланы нам не дадут порыбачить.

Мы не стали смотреть, чем закончится схватка медведицы и бакланов, развернулись и пошли выше по течению реки. Река большая, места для рыбалки на всех хватит. И, действительно, в полукилометре выше по течению мы нашли хорошие русловые омуты и стали ставить сеть. Но для сети река была мелковата. Ловля бреднем оказалась намного эффективней.

В этот раз мы уже брали только самок с икрой. Самцов горбылей отпускали сразу же в воду. Самок убирали в мешки, чтобы не привлечь к себе крикливых бакланов.

Когда через несколько часов мешки были полностью наполнены рыбой, мы стали переносить свой улов ближе к лагерю. В одной из речных проток принялись разделять рыбу. Все рыбы остатки мы собирали в мешок и бросали в реку. Река несла их вниз по течению на корм зверью и птицам.

Увлечшись рыбалкой, мы не замечали, что были мокрые с ног до головы. Преимущество комбинезона химзащиты было оценено нами сразу же. В те времена это была лучшая экипировка для ловли бреднем.

Вечером у костра мы сушили свои вещички, сапоги и портянки. Со стороны реки до нас доносились гортанные крики бакланов, ворон и других падальщиков.

На четвёртый день нам уже стала надоедать вся эта суета рыбной ловли. Мы не столько ловили, сколько вялили и коптили лососёвые тушки. Пять трёхлитровых банок зернистой икры было уже заготовлено. Поначалу мы с удовольствием ложками ели красную икру. Но на третий день есть её уже не хотелось. Икру хорошо есть, намазав её поверх хлеба со сливочным маслом. Да ещё под водочку. Но ни хлеба, ни водки у нас не было. Вместо хлеба мы поначалу употребляли сухари (высушенные в домашних условиях в Москве). Но всех сухарей, привезённых с собой, хватило лишь на месяц. Последний раз (три недели назад) вертолётчики с оказией привезли нам 10 буханок серого хлеба. Но что это на шестерых здоровых мужиков? Так что без хлеба красная икра, хоть и была вкусна, но елась плохо. Для копчения мы отбирали самых лучших горбылей. У них мясо поплотней, чем у самок.

Но в верховья нерестовых рек самцы горбуши приходят худые. Нет той свежести, что у океанского лосося.

Кроме того, мы уже стали замечать, что количество рыбы, идущей на нерест, сильно уменьшилось. Поэтому мы решили: заполним шестую банку икрой и закончим свои выходные. Снова возьмёмся за основную нашу работу.

В пятый свой выходной день мы устроили помывку и постирушку. Парились в палатке, поставленной на речной косе, предварительно нагрев на костре столитровую бочку речной воды. Затем над догорающим костром с бочкой почти кипящей воды поставили палатку. В этой палатке устроили парную. Хлестали себя ольховым веником. Устроили соревнования: кто дольше продержится в парной. На раскалённую в костре речную гальку плескали горячую воду. Пар обжигал уши и вместе с дымком выходил в маленькое окошечко у конька палатки. Пот лил градом. А мы хлестали себя веничком и только покрихывали. Но вот уже мочи нет терпеть эту жару. Первый из нас не выдерживает, отстёгивает дверь и пулей вылетает из парной. И прямо с косы сигает в ледяную воду. Орёт от удовольствия. За ним выскакивают другие. Трёх минут вполне хватает, чтоб “охлануться” и прийти в себя от перегрева. Вылезая из воды и снова в парную. Так не меньше пяти раз. Затем, напарившись вволю, одеваемся и возвращаемся в лагерь. Там ужинаем и начинаем гонять брусничный чай. Сидим у костра и слушаем “байки” бывалых геологов. Выходные кончатся. С завтрашнего дня снова начинается напряжённая работа.

Закончился первый проход горбуши по реке Умайолгиваям. Лёва нас успокаивал, мол, скоро будет второй проход. Затем пойдёт осенняя горбуша и кета, и тоже в несколько ходок. Так что “красная путина” только начинается.

С прекращением хода горбуши наша соседка медведица стала водить своих медвежат к базальтовым скалам, торчащим у подножья высоких субвулканических конусов. Всякий раз, идя маршрутом возле этих мест, я видел медведицу с медвежатами. То они лакомились поспевающей морошкой, то грибами, то паслись, как коровы, на травянистом лугу. Однажды мне повезло увидеть любопытную сценку из медвежьей жизни.

Возле осыпи у крутых базальтовых скал медведица что-то копала. Медвежата стояли рядом и наблюдали. Между мной и медведями было метров сто пятьдесят. Я достал полевой бинокль и навёл его на медведицу. Всмотревшись в окуляры, я понял, что происходило. Медведица нашла нору суслика (их здесь называют еврашками). Суслики копают свои норки под скальными выходами и делают не один, а несколько выходов. Медведица всё это прекрасно знала. Она нашла два запасных выхода суслика и поставила возле них по медвежонку, сказав им на своём языке, мол, покажется суслик из норки — сразу хватайте его. Сама же медведица стала разрывать основную нору. Она работала без отдыха, бросая каменную осыпь в разные стороны. Медвежата стояли в метрах в трёх друг от друга, поодаль от медведицы. Они с интересом смотрели на свою маму и иногда посматривали на запасные выходы суслика. Изредка мать медведица смотрела на своих медвежат, не прекращая работать. Видя, что они смотрят не на норку, а на неё, она призывала их быть бдительными. И вот я вижу: один медвежонок (чёрненький) вдруг подпрыгнул и шарханулся от испуга в сторону. Видимо, из запасного выхода выпрыгнул суслик прямо на медвежонка. Медвежонок испугался и дал дёру. Медведица-мать подскочила к своему дитяти, рывкнула на него и дала ему затрецину передней лапой. Мол, ты что делаешь? Тебя для чего здесь поставили? Ты должен был схватить суслика зубами, а ты сам его испугался. Медвежонок, получив нагоняй от мамы, отбежал в сторону, сел на попку и заплакал, как человек, закрыв лапами мордочку. Медведица, выждав паузу, подошла к медвежонку, присела возле него на задние лапы, передними аккуратно взяла своё дитя, выпрямилась, встав во весь рост, и прижала к груди своего плачущего медвежонка. Сцена трогательная, ну как у людей.

Целых три года живут медвежата рядом с матерью, спят в одной берлоге, вместе охотятся. Бывает, что медведица-мать воспитывает сразу трёх, реже четырёх медвежат. Но медвежата разновозрастные. Взрослые трёхлетки — пестуны помогают матери воспитывать своих братиков и сестёр. Только на четвёртый год медвежата становятся самостоятельными, способными сами добывать пищу и жить отдельно. За всю свою двадцатилетнюю жизнь медведица может воспитать в лучшем случае десять медвежат. И в каждого медвежонка медведица-мать вкладывает свою душу.

Приближался конец августа. После коротких дождей взбухли ручьи и малые речки. Видимо, наполнилось водой нерестовое озеро, куда спешила полвозрелая горбуша. Бурлящим потоком вскипала река Умайолгиваям. Вынесла из озера трупы отнерестившейся горбуши. Теперь эти останки неслись вниз по течению, застревая в завалах плавника, расплываясь по широким пляжам, цепляясь за крупную гальку. Дожди пролились, и река снова обмелела. По всему руслу валялись полусгнившие тела горбуши. Огромные стаи падальщиков пировали, дрались и ссорились над зловонными трупами рыб. Пришли сюда и большие медведи из соседних мест. Тяжело приходилось нашей медведице прятаться от огромных бурых самцов. Они, совершенно не стесняясь присутствия человека, поедали останки лосося вблизи нашего лагеря. Этим бурым великанам было не до нас. Чтобы подготовиться к зимней спячке и накопить 10 сантиметров подкожного жира, медведям надо ежедневно съедать 40 килограммов калорийной пищи. И трупы лосося пришлось им по вкусу. Они уважают любое мясо с душком.

Медведица-мать увела своих детишек подальше от реки. Я их увидел в маршруте на краю болота возле топкой мари. И меня удивило то, что медведица и медвежата, как свинюшки, валялись в болотной грязи. Медвежатам этот процесс принятия грязевых ванн очень нравился. Они визжали от удовольствия, бегая по грязи и плюхаясь в неё с разбега. Затем, когда медведи испачкались в грязи с головы до лап, они начинали с удовольствием кататься по мшистому ковру, оставляя после себя клочья шерстистой грязи.

Я спросил у Лёвы, мол, зачем медведи, как свиньи, в грязи валяются? Лёва сказал, что у медвежат к зиме появляется новая шерсть с большим подшерстком. Чтобы быстрее избавиться от линялой шерсти, надо поваляться в грязи, а когда грязь возьмётся корочкой, необходимо поваляться во мху и тогда с клочьями грязи выпадет старая шерсть, которая сильно чешется.

Пиршество на реке продолжалось недолго. Галечные пляжи снова стали чистыми, вороньё и бакланы разлетелись. Медведи ушли от русла, и только тогда возле лагеря снова появилась наша знакомая медведица с медвежатами. Каждое утро эта тройца приходила к реке и устраивала моцион по широкому длинному пляжу. Медведица смотрела, не пошла ли рыба на нерест. Затем она вела своих детишек к плёсу и учила их плавать и нырять.

Медведица настолько свыклась с нашим присутствием, что не проявляла никакого беспокойства. Она была уверена, что её медвежатам ничего не угрожает.

И вот пришло время второго летнего прохода горбуши к месту своего нерестилища. Об этом нам сообщил по радиосвязи радист Костя Каретников. У них к руслу реки Ачайваям уже начали подтягиваться медведи. Значит, дня через два и к нам придут первые косяки лосося. В конце радиосвязи состоялся разговор Лёвы Заботкина с начальником партии Александром Борисовичем Цукерником. Александр Борисович сообщил, что на днях к ним должны прилететь представители Камчатского геологического управления. Видимо, хотя бы ознакомиться с данными шлихового опробования ручья Быстрый, в котором были встречены знаки золота. Поэтому переброска нашего лагеря откладывается на несколько дней.

Наш отряд уже отработал маршрутную площадь возле своего лагеря. Надо было перебазировать наш лагерь на другое место для того, чтобы не делать длинных подходов к новым маршрутам. Для переброски лагеря нужен вездеход. Вездеход сейчас находится в отряде Цукерника. Если прилетят гости из Петропавловска, то их надо отвезти на перспективный участок на ручье Быстрый. А это значит: пока не освободился вездеход, нам придётся заняться камеральными работами. “Камералка” – это необходимая работа по упаковке проб и образцов в ящики, составлению каталогов, оформлению полевых дневников, вычерчиванию геологических границ на “топооснове” и аэрофотоснимках. Вообще вся рутинная работа по оформлению, которая делается при вынужденных маршрутных простоях во время непогоды. Теперь же “камералка” подарит нам время для рыбалки и охоты. Об этом только можно было мечтать.

На следующий день, возвратившись из маршрута, я уже начал готовиться к завтрашней охоте. Мы хотели вчетвером пойти на большое Укзалаймское озеро пострелять уток. Но не тут-то было. Цукерник радировал, что гости из Петропавловска уже у них и завтра с утра вместе со старшим геологом Женей

Дараганом полетят на ручей Быстрый. Завтра же утром сам начальник партии Александр Борисович на вездеходе отправляется к нам в лагерь. И если всё пройдёт хорошо, то завтра вечером будет у нас. Так что охота отменяется. Надо готовиться к переброске лагеря.

С утра началась суэта: мытьё кастрюль, котелков, упаковки проб, оформление полевых дневников, журналов опробования и прочей бумажной волокиты. К приезду начальника Лёва утром сходил к базальтовым скалам и настролял там с десяток куропаток. Ближе к вечеру стали готовить торжественный ужин по случаю приезда начальника. И тут мы услышали стрекот вертолётки. Все бросились смотреть: кто это к нам летит? Вертолёт Ми-2 летел вдоль русла реки в сторону нашего лагеря. Огромная редкость увидеть вертолёт в этих диких местах. Просто так они здесь не летают. Скорее всего, этот вертолёт из Камчатского геологического управления летит из отряда Цукерника к нам.

Вертолёт летел над поймой реки довольно низко. И вдруг вертолётная дверь открылась, и из неё кто-то высунулся и начал стрелять. И тут мы заметили бегущую по косе нашу медведицу с двумя медвежатами. Медведица металась, прижатая к крутому берегу. Она хотела добежать до тропы и скрыться в прибрежном кустарнике. Мы с замиранием сердца смотрели на это страшное зрелище. Вертолёт летел буквально около медведицы. Стрелок явно видел бегущих рядом с ней медвежат. Но он палил из ружья и, видимо, ранил медведицу. Она упала на бегу, но затем быстро встала и снова побежала вперёд. Тогда из вертолётки высунулась ещё одна фигура, и тут же прозвучала раскатистая автоматная очередь. Медведица упала, как подкошенная. К ней подбежали медвежата и стали облизывать её раны. Вертолёт выбирал место для посадки. Наконец сел на косу невдалеке от убитой медведицы. Из вертолётки выпрыгнули трое здоровых мужиков с ружьями и мешками. Один летун, другие в геологических штормовках. Медвежата, увидев, что к ним приближаются люди, побежали по тропе в полосу прибрежного леса. Я подумал, что трое с мешками хотели поймать медвежат, но они не стали их преследовать, а остановились возле убитой медведицы.

Между тем из вертолётки по приставной лестнице спустились ещё двое. Один из них был второй пилот, а другой, видимо, геолог. Он был в новеньком геологическом костюмчике и с коричневой полевой сумкой через плечо. Увидев нас, стоящих на холме, он помахал нам рукой.

Все мы были буквально шокированы тем убийством, которое только что произошло на наших глазах. Я ругался и готов был разорвать тех, кто убил нашу медведицу. Видя наше возмущение, Лёва строго и грозно сказал нам:

— Так, все свои эмоции затыкаем в задницу. Это наши коллеги из Камчатского геологического управления. Нам с ними работать дальше. В том числе и от них зависит наше финансирование. Ругаться с ними нельзя. Идите в лагерь, а я к ним. Выясню что к чему.

Мы, ругаясь и негодуя, пошли к палаткам, а Лёва зашагал к вертолётке. Сидя у костра, мы видели, как Лёва о чём-то разговаривал с геологом в стороне от других, занимавшихся свеживанием медведицы. Позже мы узнали, что Лёва разговаривал с заместителем главного геолога Камчатского геологического управления. Вместе с ним прилетели заместитель главного инженера и начальник Первого отдела треста “Приморзолото”. Вот они-то и убили нашу медведицу. Скорей всего “чекист” (из Первого отдела) стрелял из автомата.

Где-то часа через полтора вернулся Лёва, неся в руках большую свёрток. Это оказался кусок медвежатины, подаренный нам по случаю встречи. Я, помню, что-то съязвил насчёт этого мяса, но остальные были не против попробовать свежей медвежатины. Лёва объяснил, что мясо медведя очень волокнистое. В нём много болони. Болонь — это жёсткие жилистые плёнки, оболочки из соединительных тканей в мясе. Медвежатины вкусна только после мясорубки: в котлетах или пельменях. Поэтому он предложил к приезду нашего начальника приготовить котлеты. У нас в хозяйстве было две ручных мясорубки и хорошая огромная чугунная сковорода.

По очереди мы стали крутить мясо через мясорубку. Это было непросто. Мясо очень жилистое. Его пришлось прокручивать несколько раз. Пока сутились с мясом, не заметили, как улетел вертолёт. На том месте, где была убиита медведица, уже пировали бакланы. Они растаскивали оставшуюся на галечнике требуху. Всё остальное (шкуру и расчленённую плоть) вертолёт увёз с собой.

Уже вечерело. Пригорки морщились длинными тенями чахлах лиственниц. В косых лучах солнца серебрилась река. В её долину узкой струйкой начал сползать туман. Монотонный комариный гул висел в тишине.

Но вот из-за поворота реки ветерок донёс слабый рокот мотора. Мы прислушались. Так и есть — это к нам приближается вездеход. Пошли встречать своего начальника.

Вездеход шёл по руслу реки. Периодически он останавливался. Александр Борисович взбирался на кабину вездехода и в бинокль осматривал пойму реки. Заметив дым от костра, он искал место, где было бы легче подняться на пойменную террасу. Как раз в это время мы выходили ему навстречу. Водитель Валя Рогачёв, видя нас, выпрыгнул из кабины и радостно закричал:

— Вот вы где! А мы уж думали, не найдём вас сегодня.

— Вы как раз вовремя. Мы тут котлеты из медвежатины накрутили. Вас ожидаем, — говорил Лёва, здороваясь с приехавшими коллегами.

Через час мы уже в полном составе сидели за столом, вдыхая сладковатый аромат поджаренных котлет. Наш начальник по случаю встречи достал свою закуску: пол-литровую бутылку спирта. Спирт разбавили водой и разлили по кружкам. Настроение было у всех приподнятое. Начальник произнёс тост на производственную тему. Мы выпили свои сто двадцать граммов и стали уплетать котлеты из только что застреленной медведицы-матери. Которой совсем ещё недавно восхищались и признавали своей.

В этот вечер у костра не стали засиживаться. Завтра ранний подъём и переезд на новое место. Залили костёр и разошлись по палаткам. Но ещё долго внутри палаток горели свечи. В их дрожащем свете скользили тени людей по брезентовым стенам. Но скоро стихли разговоры, погасли огарки свечей. Лагерь геологов погрузился во тьму короткой летней приполярной ночи. Но вот в тишине ночи послышался детский плач. Он доносился от реки. Два тоненьких писклявых голоса плакали навзрыд. Этот детский плач разрывал душу, не давая сомкнуть глаз. Я не выдержал, вылез из спальника, накинул телогрейку и вышел из палатки.

Ночь была расцвечена мерцающими угольками звёзд. Крупный месяц выглядывал из-за кривой спины хребта, высвечивая серебряную рябь реки. В матовом лунном свете чернела гривка кустов на широком речном пляже. Оттуда и доносилось громкое непрерывное рыдание. Во тьме возле меня блеснул огонёк. Я повернулся и увидел Лёву. Он тоже вышел из палатки и закурил самокрутку. Я подошёл к нему и спросил, что это за странные звуки. Лёва объяснил мне, что это медвежата ищут свою маму. Я спросил Лёву:

— Смогут ли медвежата выжить без медведицы?

— Ну, она их уже многому научила. Сейчас пойдёт рыба на нерест. Прокормятся у реки и жирок нагуляют. Но вот смогут ли они вырыть себе берлогу? Это большой вопрос. Этому мать их не успела научить.

Мы перекурили и возвратились каждый в свою палатку. Но сон не шёл. Со стороны реки всё так же слышался несмолкаемый жалобный плач. Я долго ворочался на своей раскладушке, готовый сам разрыдаться от переполняющей меня жалости к медвежатам. Заснул коротким сном только под самое утро.

Проснувшийся лагерь был наполнен суетой сборов. Снимали палатки, грузили вещи в вездеход. Об убитой медведице и её осиротевших детях никто не хотел говорить.

Время шло. За долгие годы своей полевой геологической жизни я повидал много всякого хорошего и плохого. Но я на всю жизнь запомнил этот душераздирающий плач осиротевших медвежат. И даже сейчас, по прошествии почти пятидесяти лет с того времени, я с содроганием сердца вспоминаю тот безутешный жалобный плач в ночной тиши.